



Ирина Грачёва.

Гусь Железный. Погост.

Были и предания.

2006 г.

Как музейная картина-
Белый замок в парке старом.
Гордо высится платина
Над могучим крутояром.
И, стыдясь своих заплаток,
Возле церкви поднебесной
Жметя куцый строй палаток.
Гусь-Железный... Гусь-Железный...

Е.Ф. Маркин

И.В. Грачева

Гусь железный. Погост.

Течет по касимовской земле речка Гусь. Местные жители полагают, что назвали ее так из-за больших стай диких гусей, обитавших здесь в прежние времена. По мнению же лингвистов, никакого отношения к водоплавающей птице этот гидроним не имеет. Название реки возникло в глубокой древности и, скорее, произошло от финно-угорских наречий, давших начало языкам мордовских племен. Основа "куз" у народности эрзя или "кууси" по-фински означает "ель". Некогда этот край изобилдовал густыми и темными хвойными лесами, окаймлявшие берега реки и отражавшимися в ее водах. Видимо, первоначальный смысл

наименования был – "еловая река". Впоследствии же, с активным заселением этих мест славянскими племенами, русифицировалось и это, и другие названия.

В середине XVIII века в приокской глухомани появились молодые и предприимчивые братья Баташовы Андрей и Иван Родионовичи. Их дед, тульский кузнец-оружейник Иван Тимофеевич Баташов служил приказчиком у Никиты Ануфьева, родоначальника известной династии горнозаводчиков Демидовых. Расторопный и сметливый приказчик сумел снискать особую благосклонность. Демидова помогли ему "выйти в люди" и поспособствовали приобретению земли, на которой Баташов поставил свой первый завод на реке Тулице. Вскоре появился и второй завод. Сын Баташова Родион успешно развивал семейное дело. Но в 1754 году неожиданно вышел сенатский указ, запрещающий деятельность металлургических заводов в окружности 200 верст от Москвы. Баташовым это грозило полной катастрофой, их тульские заводы были закрыты. Вскоре скончался Родион, растративший силы в азарте промышленного предпринимательства и не перенесший краха своих начинаний. Его наследники, несмотря на сравнительно юный возраст (старшему сыну Родиона Андрею было тогда 25-26 лет, его брату Ивану – приблизительно 22-23 года), не растерялись и пришли в касимовский край на реку Унжу, что бы здесь начать все сначала. В 1755 году близ села Ермолина возник новый завод. Молодые Баташовы проявили незаурядную деловую хватку, энергично вырываясь в первые ряды доморощенных заводчиков. Исследователь И.Н. Юркин пишет: "На протяжении XVIIIв. Баташовы (...) владели 18 заводами, из которых 14 построили сами. Они являлись основателями Приокского горно-металлургического района, включающего территорию пяти губерний (...) На рубеже XVIII и XIX вв. каждый девятый пуд российского чугуна был Баташовским". В конце XVIII века им принадлежало около 100 селений и деревень в разных губерниях. В 1759 году начал действовать их завод на реке Гусь, возле села Веркуц (или Веркут). Эти земли Баташовы купили у овдовевшей дворянки А.В. Суворовой. Другой завод построили на Выксе в соседней Нижегородской губернии. Выкса поначалу и являлась главной резиденцией братьев, решивших вести дела сообща. Однако получилось по пословице о двух медведях, которым трудно ужиться в одной берлоге. Н.Я. Афанасьев, в середине XIX века служивший в капельмейстером на Выксе, перешедший от Баташовых к Шепелевым, слышал о прежних владельцах следующее: "Один из братьев, Иван, был кроткого нрава. Другой, Андрей, не только крутой самодур, но просто свирепый человек. Влияние и силу они имели страшную во всем округе и еще большую там, где находились их имения. Сменить губернатора или архиерея в губерниях Нижегородской, Владимирской, Тамбовской им ничего не стоило. О мелкой администрации и говорить нечего: она вся была у них на посылках". Недобрую славу Баташову – старшему принесла и его неумная любвеобильность: "При своем диком самодурстве Андрей Родионович был ловелас. Беда была встретиться с ним сколько-нибудь хорошенькой женщине. Он узнавал имя ее мужа, который, если не соглашался уступить Баташову свои права на жену, пропадал без вести". Т. Толычова передавала бытовавшие на Выксе рассказы о том, как Екатерина II, наслышанная о криминальных злоупотреблениях А.Р. Баташова, послала чиновника для расследования. Однако лицеизреть самого заводчика чиновнику так и не удалось; Андрей Родионович не снизошел до того, что бы его принять. Но на отведенную ему квартиру послал мастерового с блюдом фруктов. Под угощением лежали деньги и по-спартански лаконичная записка: "Фрукты съешь, деньги возьми и убирайся, пока жив". Иван долго мирился с жестким характером старшего брата, но после безуспешных попыток повлиять на неукротимый нрав Андрея, предложил полюбовно разбегаться.

Андрей покинул Выксу, обосновавшись на Гусевском заводе. В Веркуце он выстроил поселение для доставленных сюда рабочих, начал активно скупать соседние земли, заставляя крестьян нести лесозаготовочную повинность, добывая смолу, отрабатывать на строение и т.д. А поселок стал называться Гусь Баташовский (позднее - Гусь Железный) в отличие от Гуся Мальцовского (Гуся Хрустального). С помощью мощной каменной плотины было создано огромное озеро, общей площадью более 2 тысяч гектаров, куда стекали воды Гуся и его притоков Колпи и Нарпы. По озеру могли плавать небольшие суда. В 1780-е годы при заводе числилось 855 работных людей, и с каждым годом их количество увеличивалось. Тогда-то и простилась "еловая река" с заповедной тишиной больших девственных лесов. Затрещали под топорами лесные дебри, задымились смолокурни, стали оголяться речные берега. И.И. Дубасов свидетельствовал: "Баташовское хозяйство было в высшей степени алчное. Лес рубили не только на всякое заводское дело или для продажи, но и так, на всякий случай". От плохо затушенных костров возникали пожары, превращавшие огромные лесные пространства в горелые пустыри.

В конце XVIII века в эти края приехал немец Боленс, решивший попытаться здесь предпринимательское счастье. Обнаружив близ реки Сынтулки добротную железную руду, он принялся ее разрабатывать, а недалеко от рудников решил выстроить чугунолитейный завод. Однако Баташов тут же перекупил его. Или немец не сумел приспособиться к русским условиям и разорился, или по неволе вынужден был уступить напору энергичного заводчика, не потерпевшего конкуренции...

Помимо выплавки чугуна баташовские заводы выполняли военные заказы, изготавливая бомбы и ядра. Сопутствующим производством стал выпуск различных изделий: от чугунных садовых лестничных решеток, котлов, утюгов, сковород, гвоздей, подков, кос и серпов до изящных подсвечников. Художественное чугунное баташовское литье отличалось высоким качеством и снискало славу даже в столице. Еще при Р.И. Баташове на его тульских заводах во времена императрицы Анны Иоанновны отливались декоративные детали для курляндских дворцов Биронов, создававшихся по проекту Ф.Б.

Растрелли. Позднее знаменитый архитектор обратился к Баташову с заказом чугунных украшений для строительства в Киеве Андреевского собора. Не порывали Баташovy отношений и с Демидовым. И.Н. Юркин опубликовал обнаруженные в архиве материалы о заказах, которые Н.А. Демидов посылал А.Р. Баташову. Для петербургского особняка Демидова заводчик изготовлял решетки, ограды и лестницы, лестничные столбики, резные колонки крыльца, декоративные вазоны и т.д. Избалованный роскошью богатч в письмах интересовался, сможет ли Андрей Родионович сделать по образцам 10 чугунных статуй для дома и сада, на, что тот уверенно отвечал: "Тако ж и статуи вылить могу". Баташovy, сами начинавшие с азов чугунолитейное железоделательного ремесла, знали все его тонкости и умели подбирать опытных и талантливых мастеров. Но в то же время отличались прижимистостью, из всего старались выжать копейку. Демидов, конечно, мог бы задействовать своих работников, но пересылать чертежи и образцы на Урал, а потом оттуда доставлять готовые изделия долго и хлопотно. Пользуясь этим, Андрей Родионович нудно торговался с Демидовым, набивая цену, и, даже договорившись, но, видимо, не вполне доверяя заказчику, старался хоть часть денег получить вперед. Хозяин-миллионщик, поражавший касимовскую округу грандиозными празднествами, пирами, охотами, в письмах к Демидову жалостливо "пел Лазаря", клянча: "По не богатству нашему впредь до счету пожаловать денег тысячу рублей".

Ходили слухи о том, что Баташеву покровительствовал могущественный князь Г.А. Потемкин, фаворит императрицы Екатерины. Документальных подтверждений этому пока не находится, однако имя Баташова было хорошо известно при дворе. В "Записках" М. Гарновского рассказывается, как один ловкий царедворец пытался сбить свою незavidную деревеньку юному фавориту Екатерины А.М. Дмитриеву-Мамонову. Заломив за деревню огромную сумму, он уверял, будто ее почти сторговал Баташов. Доверчивый Мамонтов просил оставить деревню за ним, радуясь, "что он в покупку не ошибся, потому что торговал заводчик и, следовательно, человек в покупке деревень толк знающий". Но вскоре открылось, что деревня таких денег явно не стоила, к тому же Баташов и не помышлял о ней. И торг не состоялся.

В Гусе Андрей Родионович распоряжался властно и бесконтрольно, изнурая рабочих непосильным трудом от зари до зари и расправляясь с ослушниками в "страшном саду" – уединенном месте для наказаний и пыток. Ходили слухи, будто бы он скрутил и подчинил себе даже разбойничьи ватаги, скрывавшиеся в глуши окрестных лесов, и те выполняли хозяйские поручения самого криминального свойства. Н.Я. Афанасьев, например, слышал историю о том, как Баташов положил глаз на владения одного из татарских князьков, соседствовавшие с его землями. Заводчик долго уговаривал несговорчивого князька, не хотевшего продавать свою собственность. Наконец, желая отделаться от назойливого покупателя, князек назначил непомерно большую цену. Баташов, обычно расчетливый и скупой, неожиданно согласился без спора на все условия, пригласил татарина к себе в гости, принял с почестями, сполна выплатив все деньги. Только до дома князь так и не доехал: "Говорили, что его застрелили и бросили с камнем в воду; деньги же возвратили прежнему владельцу". Для охраны заводов Баташову разрешено было держать свой полк. Готовые выполнить любой, самый жестокий приказ хозяина, уланы наводили ужас на всю округу, мало чем, отличаясь от разбойников. В Гусе долго сохранялись легенды о самоуправстве его грозного властителя. Например, В. Гайдуков передал расхожее повествование о том, как Баташов позарился было на деревню соседнего помещика, но тот отказался ее продать: "Баташов дождавшись отъезда помещика из имения, нагрянул с эскадроном уланы и толпою мужиков с сохами и бороны и поджег усадьбу и деревню с четырех концов". Деревенских жителей связали и насильно увезли на завод, "и когда помещик вернулся домой, то на месте своей усадьбы и деревни он нашел гладко вспаханное и взбороненное место..."

Искать управу на Баташова у местных властей было бесполезно. Высшие чины, задаренные заводчиком, предпочитали не замечать его злоупотреблений, а низшие – сами трепетали перед ним. Однажды с баташовского завода сбежал мастеровой, обратившись в елатомский суд. Перепуганные чиновники не замедлили, тут же доставили смутьяна владельцу, где его ждало жестокое наказание. Если гневный хозяин не убил его вовсе, то только по тому, что это был хороший, нужный ему мастер. Рассказали так же, как один исправник, прибывший на завод разбираться в каком-то криминальном деле и оказавшийся недоступным, исчез бесследно. Хозяин будто бы принял его с предупредительной вежливостью, усыпив его бдительность, и, показывая ему свой завод, приказал подручным столкнуть его в домну. Молва о тайной расправе Баташова с должностным лицом, возможно, не была досужей обывательской выдумкой. Н.Я. Афанасьев свидетельствовал: "При мне на одном из заводов, на Гусевском, когда я там был, ломали каменную стену, и нашли в ней человеческий скелет. По сохранившемся медным пуговицам следовало думать, что замурованный был исправник или становой, или вообще какой-нибудь чиновник, не умевший угодить Андрею Родионовичу". Вместе с тем А.Р. Баташов вовсе не был отъявленным извергом, он действовал в духе времени, так, как поступали тогда многие люди, создававшие силу своего богатства и власти, от титулованного дворянства до промышленных тузов. При Гусевском заводе он содержал больницу, приглашал вольнонаемных мастеров, что бы совершенствовать профессиональное мастерство своих рабочих, обучал крепостных музыкантов и актеров.

Очередное правительственное распоряжение чуть было вновь не погубило баташовское дело. Согласно сенатскому указу 1762 года люди, не принадлежавшие к дворянскому сословию, не вправе были покупать земли и владеть крепостными. Баташovy, задействовав все связи и не жалея денег, начали добиваться дворянства. Все шло в ход: и подкупы сенатских чиновников, и представление ложных свидетельств о том,



Панорама города.



**Усадьба Баташовых
«Орлиное гнездо».**

что давние предки Баташовых якобы являлись захудалыми дворянами, окончательно разорившимися в "смутное" 17 столетие и утратившими свои сословные привилегии. Но не так-то просто было купцам-толстосумам переступить заветную сословную черту. Несколько раз Сенат отвечал отказом на их настойчивые ходатайства. И только в 1783 году ценой невероятных усилий Баташовым удалось наконец добыть вожеленный документ о том, что они "восстановлены" в дворянском звании.

Жил Андрей Родионович в Гусе на широкую ногу. На берегу рукотворного озера живописно располагались заводской и усадебный комплексы, по словам П.И. Мельникова-Печерского, "общим видом напоминающие не то крепость, не то какой-то средневековый замок". Усадьбу окружала высокая каменная стена, у въезда на плотину стояла сторожевая башня с большим железным гусем на шпиле. К усадебному дому примыкал обширный сад с цветниками, беседками, оранжереями, где выращивали лимоны, апельсины, персики и другие экзотические редкости. Специальное здание предназначалось для выступлений доморощенного крепостного театра. Дом Баташова - длинный, внушительный, но без особых затей особняк - был выстроен, по рассказам, таким образом, что одно его крыло находилось на земле Рязанской губернии, а другое - выходило во Владимирскую. И когда приезжало следствие по поводу очередных Баташовских беззаконий, хозяин уходил в другую половину, а непрошеным визитерам докладывали, что "сам" отбыл в соседнюю губернию, а значит местным властям неподсуден. Передавали, что под домом был целый подземный комплекс: подвалы, лестница, потайные ходы, которые шли в разные стороны. Предназначение этих ходов объясняли различно. Одни говорили, что Баташов, неусыпно контролируя деятельность своего предприятия, держал рабочих и приказчиков в постоянном страхе, внезапно появляясь "словно из-под земли", то в одном, то в другом месте заводских дворов. Другие полагали, что он, опасаясь мужицкого бунта, предусмотрительно приготовил пути бегства. По тем временам это было бы далеко не лишним. Во время Пугачевского восстания отряды повстанцев появились в окрестностях Касимова, встречая массовую поддержку местного крестьянства. Недалеко от Гуса в елатомском округе селяне приветствовали посланцев Пугачева с хлебом и солью под колокольные звоны. Генерал Н.И. Чорба сообщал генерал-аншефу П.И. Панину, что под Касимовым крестьяне, увлеченные "прельщениями" пугачевцев, начали расправляться со своими помещиками, управителями и приказчиками. Об имениях Баташова так же сказано: "... Здешние жители преданность к злодею Пугачеву имеют". Вероятно, сам хозяин, как и многие другие, отсиживался в это время в Москве или в Петербурге.

Существовали так же предположения, что в баташовских подземельях беглые крепостные и каторжники, скрывавшиеся здесь от преследований закона, чеканили для заводчика фальшивые золотые монеты. Поводом для подобных легенд стал не только стремительный рост баташовских богатств, но и непривычный для окрестных жителей распорядок работ на Гусевском заводе. Местные селяне видели, как поздно вечером из заводских ворот выходили в поселок рабочие, рассыпаясь по своим домишкам и кабакам. И на встречу им шли другая, молчаливая и угрюмая толпа, пропадавшая в ночной темноте за воротами. Баташовское производство, как это было почти повсеместно в России в те времена, работало безостановочно. Но даже крепостным крестьянам, замученным всякого рода притеснениями, представлялось невыносимым, что бы человека ради обыденного труда можно было лишать ночного отдыха, заповеданного самим Богом. Вот и поползли слухи, будто под покровом ночи в баташовской усадьбе творятся какие-то таинственные и незаконные дела. Отсутствие улик и претензий на этот счет властей, как водится в таких случаях, вовсе не успокаивало общественного мнения, а наоборот, порождало новые подозрения. Потомки баташовских крепостных передавали леденящие душу рассказы, будто Андрей Родионович, узнав о приезде очередного следователя, велел засыпать выход из подземелья, заживо похоронив рабочих вместе с изготовленными ими монетами. Пересуды о якобы спрятанных в подземельях тайниках несметных сокровищах Баташова после его смерти долго будоражили умы; в 19 веке предпринимались попытки их поисков, кончавшиеся, однако полной неудачей. Тайну своих подземелий хозяин унес с собой в могилу.

Сама смерть Баташова для современников была окутана ореолом загадочности. Говорили, что Павел I, прослышав о бесчисленных заводчиках, велел его арестовать и доставить в столицу для разбирательства. Но, по словам Гайдукова, тот "не подчинился царскому решению и не попал в петербургский каземат, а, приняв яд, лег на веки под высокой чугунной колонной, в ограде созданного им храма". Скорее всего, этот миф был порожден внезапностью кончины, хотя и престарелого, но крепкого здоровьем заводчика, не успевшего даже составить завещание. Передавали, будто в последние минуты на вопрос, кто же будет его наследником, Баташов ответил кратко: "Тот, кто одолеет". А его старший сын Андрей, высланный после какой-то семейной размолвки в дальнее имение, приехал в Гусь, но, не веря до конца в известие о смерти отца, побоялся являться в усадьбу и дожидался на околице, пока его нарочный отправился в дом удостовериться, действительно это так. Однако именно Андрей, прозванный Черным, "одолеет" других наследников, добившись признания недействительным второго брака А.Р. Баташова. Мощная торгово-промышленная баташовская корпорация просуществовала недолго. Ее расшатали и бунты заводских рабочих, и особенно - раздел собственности после смерти Андрея Андреевича, когда оттесненные им другие наследники добились восстановления своих прав. Памятниками былому могуществу Баташовых в Гусе остались дошедшие до наших дней усадебный дом и внушительный Троицкий собор. Характерно, что Андрей Родионович, возведя громадный, роскошный усадебный комплекс, вполне довольствовался



**Фрагменты
храмового комплекса в селе Погост.**



скромным деревянным храмом во имя Иоанна Предтечи, поставленным недалеко от дома, в то время, как в соседнем Касимове купцы с меньшими капиталами строили одну за другой добротные каменные церкви.

Набожностью суровый хозяин Гуся не отличался, что дало повод соседям даже заподозрить его в принадлежности к масонству. А простонародье считало, что он и вовсе продал душу дьяволу. Предтеченский храм сгорел около 1802 года. Наследник Андрей Андреевич, перебравшийся к этому времени уже в Петербург, тем не менее отдал немедленное распоряжение о строительстве в отцовской вотчине нового, каменного храма, на который не пожалел средств. Хотя закончен был собор лишь к 1868 году, службы в нем велись уже при жизни заказчика с 1815-1816 годов.

Об Андрее Андреевиче так же поговаривали, будто в Петербурге он вступил в масонскую ложу. Надо сказать, что по тем временам это было бы неудивительным. Многие так делали не по религиозно-философским убеждениям, а ради того, чтобы в масонском "братстве", объединявшем родовитую и сановную аристократию, обрести нужные деловые связи и знакомства. Может быть, предположения о религиозном инакомыслии Баташова порождались и самим обликом начатого им собора с непривычным для этих мест архитектурным решением. Следуя столичным вкусам, тяготевшим к псевдоготике, Баташов в провинциальной глуши принялся отстраивать православный храм, щедро уснащенный готическими элементами. Известно, что почти одновременно (около 1804 – 1814 годов) в Можайске созидался аналогичный Новоникольский собор, так же в готическом стиле. Проектировщики обоих зданий неизвестны. Но исследователь В. Куковенко назвал Можайский собор "мистическим шедевром Подмосковья", ("Наука и религия", 2002, №5,7), усматривая в деталях зашифрованную масонскую символику. Анализируя особенности разных построек 18-начала 19 века, заказчики или исполнители которых тяготели к тайным мистическим учениям, автор считает их характерным архитектурным признаком сдвоенные готические колонки и восьмиугольный подкупольный объем: "...Ведь восьмиугольный храм Господень (Куббат ас-Сахра в Иерусалиме) был сакральным символом Ордена тамплиеров. Изображение этого храма помещалось на орденской печати". В Гусевском храме так же использован восьмерик со сдвоенными колоннами. Хотя справедливости ради следует отметить, что и парные колонны, и восьмерик на четверике были свойственны архитектуре русского барокко еще в 17 веке, когда ни о каком масонстве на Руси и не слыхивали. Другое дело, что на Западе, откуда в 18 веке особенно интенсивно шли в Россию новые веяния, эти элементы, выполненные в готическом духе, могли наполняться особым религиозно-философским смыслом. В связи с этим вдвойне интересно было бы узнать имена и духовную ориентацию создателей храмов Гуся и Можайска, возможно, и принесших в свои творения собственные, не вполне традиционные религиозные представления. В этих храмах немало сходного: та же пятиярусная колокольня с крытым, выдающимся вперед входом, тот же причудливый, с чередованием граней и закругленных линий объем здания, стрельчатые проемы окон и фонтоны-закомары восьмерика и т.д. А главное – ощущение величественной мощи. Однако вряд ли Троицкий храм можно рассматривать как следствие мистических увлечений Андрея Черного. Он, как и отец, отличался трезво-прагматичным умом. Просто он отдавал дань моде, стараясь с помощью подражания архитектурным решениям, предпочитаемым в столичных аристократических кругах, утвердить свое недавно "восстановленное" дворянство. Сурово-средневековый вид, который придают собору элементы псевдоготики, словно воплощает в себе сам дух беспощадного баташовского владычества в этих краях. П.И. Мельников-Печерский рассказал о колоритных личностях Баташовых в очерке "Семейство Баташовых" и романе "На горах". В романе автор называет их Поташовыми. Возможно, это и была первоначальная транскрипция их фамилии, видимо, произошедшая от прозвища по роду их занятий – "поташники", "поташи", то есть добытчики поташа.

Когда после смерти Андрея Черного начался передел собственности, Гусевской завод попал в опеку, и теперь контролировать его деятельность стали Барковы, один из богатейших касимовский купеческих кланов. В недавнем же прошлом они сами являлись крепостными Баташовых. Родоначальник династии Дмитрий Сергеевич Барков смолodu отличался образовательностью и тягой к знаниям. В 19 лет он служил уже конторщиком при Синтульском заводе. Но неожиданно стал неотступно просить А.Р. Баташова позволить ему пойти в аптекарские ученики. Трудно сказать, что вызвало такую тягу Баркова к изучению трудной медицинской науки. Возможно, повлияло знакомство с лекарями, появившимися при заводах. А скорее – сказались родовые склонности. Вероятно, кто-то из его предков занимался "зеленым промыслом", то есть умел врачевать с помощью трав, заговоров и прочих народных средств. И Дмитрий Сергеевич хотел усовершенствовать эти наследственные навыки. Требовательный хозяин высоко оценил незаурядные способности и таланты своего крепостного, проникнувшись к нему доверием и сделав его домашним врачом. Четыре сына Баркова так же старательно постигали секреты лекарственного дела. Старший Василий с 14 лет начал помогать отцу. После кончины А.Р. Баташова, Дмитрия Баркова определили врачом на Гусевской завод, а Василия – аптекарем при отце. В 1815 году Василию пришлось отправиться в Петербург к тяжело болевшему Андрею Андреевичу. Одновременно выполняя функции лекаря и домашнего секретаря, Василий сумел не только расположить к себе сурового хозяина, но и принести ему значительное облегчение. Исследователь Д.Ю. Филиппов, занимающийся историей рода Барковых, опубликовал предписание Баташова, отправленное на радостях в 1815 году на Гусевской завод: "Объявить подлекарю Д.С. Баркову мою благодарность, что он прислал ко мне своего сына, как ангела-спасителя моей



**Храмовый
комплекс
в селе
Погост.**



жизни (...) без него я бы погиб невосвратно, и во изъявление моей признательности за токовую услугу, себе поставляю за удовольствие отпустить его, Баркова, со всем семейством вечно на волю". Однако в

отпускном документе прижимистый заводчик оговорил: "Даруемую им от меня свободой воспользоваться не прежде, как по кончине моей, а до того времени быть им в собственном моем владении и во всяком послушании, исполняя возложенные на них должности с таковым же усердием, как и прежде сего".

Ждать своего освобождения Барковым пришлось недолго. Через год Баташов скончался, и они из Гуся перебрались в Касимов. Сначала они с успехом занялись врачеванием, заслужив любовь и уважение горожан и вызвав негодование казенного врача, потерявшего клиентуру. Слава о лекарском искусстве Барковых шла далеко по округе, лечиться к ним приезжали даже из соседних губерний. Д.С. Барков, записавшийся в купечество, в 1830-1833 годах был избран городской головой. Но возмущенные заявления городского врача о том, что Барковы не имеют официального аттестата, дающего права на врачебную практику, а за тем смерть Д.С. Баркова, заставила семью отказаться от любимого дела и по неволе окунуться в мир предпринимательства. Поначалу брались за все: торговали в городских рядах хлебом, дочь Дмитрия Сергеевича Матрена набирала в городе "красного товару" и отправлялась корабейницей по уездным базарам. Но прибыльней всего оказалась торговля железом, особенно тогда, когда в их распоряжение попали близкие и не утратившие еще высокого качества своей продукции баташовские заводы. Василий Барков в своих воспоминаниях писал: "Счастье на торговом горизонте вело нас к стяжению богатства, приобретаемого честностью и трудами". Для купеческого мира это был нетрадиционный случай. В последствии Барковы сами открыли в Касимове железо-лудильный завод, перекупили у местных хозяев серно-купоросный и кожевенный заводы и даже стали пайщиками одной из золотопромышленных сибирских компаний.

* * *

Недалеко от Гуся находится Гусевской Погост. В древности "погостами" называли места стоянок на путях следования купцов ("торговых гостей"). В 17 веке Погост стал серьезным торговым конкурентом Касимова. Царю Михаилу Романову шли жалобы от касимовского хана Сеид-Бургана, что "в его царевичевой купленной вотчине, на Гуском погосте от Касимова в десяти верстах завели тутошние уездные люди Касимовского и Володимирского уездов торг самовольно (...) и торгуют по воскресеньям беспощинно". А потому все продавцы "учали ездить мимо Касимова и стали торговать на новом торгу на Гусевском погосте", отчего "касимовский торг запустел". Кроме того хан беспокоился о нравственности подвластных ему татар, сетуя, что "разных помещиков приказчики и старосты и крестьяне около Касимова и около Гусевского погосту по селам и деревням винокурят беспрестанно и продают в ведра и в чарки, и меж татарских деревень ездят с вином со флягами и бочками". Судя по вместительным емкостям, с которыми отправлялись доморощенные виноделы в татарские селения, их продукция, видимо, пользовалась успехом, не смотря на то, что мусульманам винопитие запрещалось. Пристрастившись по примеру русских соседей к соблазнительному напитку, сами татары, как оказывается, вовсе не считали это грехом. Живший в начале 19 века в Касимове Д.И. Ростиславов, впоследствии ставший профессором Петербургской духовной академии, рассказывал, что "во время храмовых и других важных праздников в окрестных селах татары ходят по домам других лиц и знакомых крестьян, поздравляют их с праздником, не только не отказываются от рюмочки, но даже и просят ее, если хозяин не догадывается поподчивать гостя винцом". Когда же их укоряли: Как же пьете вы водку, ведь Магомет запретил вам это делать? " – те с невинным простодушием отвечали: "Нет, бачка, Магомет не велел нам пить только виноградные вина, а про вашу водку ничего не сказал!"

Уже в середине 17 века согласно писцовым книгам в Погосте значились две деревянные церкви: преображенская и Николая – чудотворца. В 1771 году Никольский храм заменили каменным. Преображенская церковь в 1777 году сгорела, и лишь в 1784 году решено было возобновить ее в камне. В основном она была закончена к 1794 году, но дополнительные работы продолжались вплоть до 20-х годов 19 века. Изыскано – нарядный храмовый комплекс в Погосте поражает неожиданным для глубинки богатством и разнообразием архитектурных форм, варьирующих мотивы барокко. Особенно хороша колокольня (1796), щедро декорированная зубчатыми карнизами, колоннами, вазонами. На нижнем ее ярусе над арками помещены восемь рельефных изображений святых с книгами в руках и с окладистыми бородами "лопатой", придающими им облик степенных русских мужиков. Эти детали, не свойственные каменному касимовскому зодчеству, скорее сродни декору Дмитриевского собора во Владимире. Но что уж совсем необычно – это каменные изваяния святых с книгами, свитками и четками, помещенные на верхнем ярусе колокольни. На рязанщине издавна были распространены традиции резных деревянных изображений святых. Может быть, они оказали влияние на мастеров, создававших колокольню. В конце 19 века В.А. Самарянов в очерке "Некоторые малоизвестные православные и церковные древности в Рязанской епархии" писал, что под Касимовым "в церквах сел Маккавеева, Шеянок, Курмова и Малеева существуют древние резные иконы святителя и чудотворца Николая, вышиною от 1 аршина 2 вершков до 2 аршин". То есть самые крупные изображения, чаще всего являвшиеся деревянными скульптурами, достигали чуть не



**Деревянная
церковь.**



**В окрестностях
Погоста.**

полтора метров. Известно, что в Погосте хранился большой древний образ Христа, "врезанный в доску". В самом селении резьба по дереву и токарные работы являлись привычным ремеслом. В 1914 году в Погосте

работало три токарных мастерских, обслуживавших весь касимовский уезд. Два из этих заведений принадлежали А.С. и И.П. Курочкиным, третье – В.А. Урусову.

На верхнем ярусе колокольни когда-то красовались часы, немалая редкость для провинциального захолустья. И плыл мелодичный перезвон курантов "часозвони" над низенькими, топившимися по черному крестьянскими избушками, над полями склоняющейся под ветром ржи, над размытыми, ухабистыми проселочными дорогами...

Преображенская церковь прихотливо использует приемы нарышкинского барокко (восьмерик на четверике). Никольская же напоминает старорусские формы и одновременно – упрощенный вариант "корпуса под гербом" дворцового ансамбля в Петергофе. Кто был создателем церквей, и колокольни – пока выяснить не удалось. У местных краеведов порой возникало искушение, так или иначе, связать празднично-пышный стиль памятников Погоста с влиянием знаменитого архитектора Растрелли. Однако самобытность "почерка" безымянного зодчего свидетельствует лишь об одном: безграничной талантливости и творческой фантазии русского народа, чаще – выходцев из крепостных или мещан, которые и создавали в 18 – начале 19 века великую русскую культуру.

Гусевской Погост таит еще одну загадку, связанную с Баташовыми. Андрей Родионович привез в Гусь свою супругу Афимью Семеновну, дочь тульского купца Пальцова. Согласно местным преданиям это была тихая, робкая женщина, почти не покидавшая отдаленных покоев дома. К гостям она никогда не выходила, ссылаясь на нездоровье. Может, она и в самом деле часто прихварывала, ведь жить с неукротимым самодуром – мужем было несладко. Но скорее сам хозяин, особенно став новоявленным дворянином, стеснялся простоватой, малообразованной и незнакомой со светскими манерами жены-купчихи. Потому и скрывал ее от посторонних глаз и язвительных пересудов. В 1785 году Афимья скончалась. А на следующий год, в баташовском доме, в качестве домоправительницы появилась бойкая и деловитая дворовая девка, Матрена Егорова, купленная Андреем Родионовичем для хозяйства. Не довольствуясь вверенными ей ключами от амбаров и кладовых, Матрена сумела подобрать ключ и к суровому баташовскому сердцу. В 1787 году она добилась вольной, а спустя несколько месяцев была объявлена новой супругой Баташова. Рязанская исследовательница И.Г. Кусова обнаружила в старинных документах утверждение, будто Андрей Родионович повенчался с ней в Погосте. Возникает вопрос: почему же Баташов выбрал для венчания не собственный, выстроенный им возле дома Предтеченский храм, а отправился в Погост? Может, он хотел избежать огласки, ввиду скандальности самой этой свадьбы? Для дворянина, претендующего на высокое общественное положение, женитьба на бывшей крепостной считалась делом зазорным. Да и был ли оформлен этот брак с соблюдением всех необходимых правил? Венчание могло происходить лишь в Никольском храме, так как Преображенская церковь только что начала отстраиваться. Однако в сохранившихся книгах по Никольской церкви подтверждения этому не обнаружено. Недаром старший сын заводчика Андрей Черный после смерти отца настаивал на том, что вторая его семья никак не может иметь юридически обоснованных наследных прав. Ответчики ссылались на венчальную запись, которая будто бы существовала, но сгорела с синодальным архивом. Свидетельские же показания были настолько спутанными и противоречивыми, что после долгого судебного разбирательства Сенат отказался признать действительным второй брак А.Р. Баташова. Но Матрена не собиралась сдаваться, отстаивая права своих детей. И может быть, сведения о венчании были сфабрикованы точно так же, как в свое время представленные ложные свидетельства об "утраченном" дворянстве Баташовых?

Более того, существовали косвенные данные, будто своенравный хозяин, наскучив обществом Матрены, при живой жене умудрился оформить и третий брак с некой Акуловой Матвеевной. Народная молва передавала, что священнику, который пытался было напомнить Баташову о недопустимости двоеженства и по христианским, и по гражданским законам, заводчик пригрозил жестокой расправой. Батюшка прикусил язык и, как должно, обвел молодоженов вокруг аналоя, за что и получил две тысячи рублей и жеребца с коляской. Но, разумеется, никаких записей в церковных книгах при этом не делалось. Эта почти детективная история лишний раз свидетельствовала, что немало криминального и темного было не только в хозяйственной деятельности Баташова, но и в его личной жизни.

На рубеже 18-19 веков духовенство Погоста считалось зажиточным и отличалось статью и дородством. Д. И. Ростиславов оставил колоритный рассказ о семействе одного из погостовских батюшек Гавриила Иванова: "Священник Гусевского Погоста Гавриил весил, кажется, пудов до десяти. Туловище его, без головы, ног и рук, ну, кажется, чуть-чуть не могло назваться кубическим. Он слыл богатым человеком, по крайней мере, жил богато, по-барски". Отправив двух сыновей в касимовское духовное училище, Гавриил определил их постояльцами на квартиру на особых условиях: "Они должны были обедать с хозяевами, пили даже чай утром и вечером, поместились в горнице..." Но родительское попечение, как это нередко случается, не пошло молодцам впрок. О старшем Василии, потенциальном наследнике отцовского места Ростиславов рассказывал: "Это был тип тогдашнего избалованного, исшалившегося священнического сынка". По природе неглупый, он не хотел утруждать себя учебой, зато высокомерно относился к менее обеспеченным товарищам и властно покрикивал на хозяйскую работницу: "Эй, ты, баба, подай то-то, сделай то-то, что ты, мерзавка, замешкалась!" А "кроме того, он иногда по несколько часов не приходил по окончании после обеденных классов, иногда и с квартиры уходил без спроса; известно уже было, что он и

попивал, и в карты играл и пр." Кончилось тем, что о бесчинствах Василия сообщили отцу. Гавриил немедленно явился в Касимов и без дальних рассуждений взялся за традиционное средство воспитания. Поставив посреди горницы скамью и вручив работнице розги, он приказал Василию ложиться. Иванов начал было просить отца о прощении, но тот деловито оборвал его: "Полно, полно тебе болтать-то, ложись-ка на скамейку". Ростиславов замечал: "Отец Гавриил говорил самым спокойным образом, не горячась, не возвышая голоса, как будто дело шло о самых пустяках, но уже, зато видно было, что он будет действовать неумолимо и решительно". Под хладнокровным руководством степенного папаша непутевого детину отодрали так основательно, что он не сразу смог подняться. Отбывая в Погост, отец Гавриил наставительно пообещал своему чаду, что если тот не возьмется за ум, то он "тотчас же опять приедет и угостит еще более жаркою банею".

Это обещание возымело действие, и Василий кое-как одолел училищные науки. Отец пристроил его в семинарию. Но через два года Василия выгнали за лень и дурное поведение. К большому разочарованию родных, он вынужден был податься в приказные: "Сначала служба его шла недурно; по слухам, его считали хорошим чиновником, но потом мало-помалу он предался пьянству и распутной жизни, умер еще в молодых летах".

Духовенство Погоста вело длительную тяжбу с крестьянами соседних помещиков - Баташовых и Чихачевых. Не довольствуясь собственными скудными наделами и в то же время уверовал в покровительственную силу своих господ, крестьяне захватывали под огороды земли, принадлежавшие церкви, строили на них свои домишки и сараи, продвигаясь все глубже в церковные владения. Особенно беззастенчиво действовали крепостные Баташовых в конце 18 века, в пору процветания баташовского хозяйства. Духовенство Погоста слало жалобы во все инстанции, от местного архипастыря до патриарха. Крестьян несколько раз обязывали освободить чужие наделы. Но те с упрямым упорством игнорировали эти распоряжения, вполне оправдывая пословицу о том, что "мужик и Бога слопаёт". Перед сугубо материальными, хозяйственными мужицкими запросами в виде гряд капусты, репы и лука церковные увещевания, как и высокие духовные авторитеты, оказались бессильными. Только в 1862 году решено было положить конец этому конфликту, длившемуся более столетия, предложив обиженному погостовскому приходу другие земли.

В 4 км от Погоста в лесном урочище, прозванным страшным оврагом, находилась пещера, в которой, по преданиям, был разбойничий притон. Ватагам разбойников исстари привольно жилось в глухих мешерских лесах, а оживленные торговые пути, по которым шли тяжелые купеческие обозы, соблазняли возможностью богатой поживы. Но немало здесь пряталось и беглых крепостных, спасавшихся от произвола своих хозяев, и религиозных сектантов, уходивших от преследования властей. Леса надежно скрывали их и кормили. Еще в начале 20 века в Страшном овраге видели полуобвалившийся вход пещеры. Внутри, неподалеку от входа обнаружили остатки железной посуды. Постепенно пещера была засыпана землей и заросла зеленью, навеки скрыв тайну этих мест. Когда принимал этот уединенный приют, чьи костры теплились у его порога – теперь трудно сказать...

Исторические судьбы Гуся Железного и Погоста сходны: из довольно крупных, оживленных и известных некогда центров они постепенно превращались в скромные, тихие провинциальные селения. Если в 1860 году в Гусе насчитывалось более 5 тысяч жителей, то век спустя, в 1997 году – около 2,6 тысяч жителей. В Погосте же в этот период проживало 540 человек. В наше время здесь в основном действуют лесозаготовительные и деревообрабатывающие промыслы, развиваются строительные организации. В бывшем баташовском доме разместился детский санаторий. В Троицком соборе в Гусе с 1990 года после долгого перерыва вновь начались службы. Усадьба Баташовых, Троицкий собор и храмовый ансамбль в Погосте являются памятниками архитектуры федерального значения.

От издателя

По доброй воле заводчика-фабриканта Иоанна Баташова, хозяина чугунно-литейного завода на р. Унжа, что в селе Ермолowo, в 1795 году была перенесена деревянная церковь с места кладбища в село Ермолowo к погосту села Сабурова. А в Ермолове воздвигнута была на новом месте каменная церковь. В 1914 году к Сабуровской церкви была приставлена деревянная колокольня, придавшая законченный архитектурный образ Храму. В 1921 году пожар в селе Сабуровo, уничтожил все жилые дома, но Господь Бог явил свою милость, сохранив от губительного огня свою церковь. Чудо спасения верующий народ связал с чудотворной иконой Божией Матери именуемой "Скоропослушница". Даже во время гонений на христианскую веру Божий Храм в честь Успения Божией Матери не был закрыт и богослужения в нем не прерывались. Более двух веков прошло с того времени и уникальное деревянное здание церкви пришло в ветхость и нуждается в капитальной реставрации. Но, увы, нет уже того благочестивого хозяина, каким был для жителей села Сабуровo – раб Божий Иоанн Баташов. Вечная ему память. Царствие небесное, всем благочестивым строителям Божиим обителей и устроителям духовного и материального бытия простого народа, купцам и заводчикам семьи Баташовых и другим.